

УДК 165.7

АНАЛИТИЧНОСТЬ: ОТ КАНТА ДО ФРЕГЕ

© А.Р.Каримов

Статья посвящена рассмотрению понятия «аналитичность». Выявлены основные подходы к определению аналитичности в истории философии. Критически проанализировано определение аналитичности у Канта и его предшественников. Показана трансформация дихотомии аналитического-синтетического от Канта до раннего периода аналитической философии. Если у Канта это деление было связано с характеристикой содержания суждения, то у Фреге и впоследствии в аналитической философии оно связывалось со способом обоснования суждения.

Ключевые слова: аналитическая философия, аналитичность, синтетическое, a priori, И.Кант, Г.Фреге.

Понятие «аналитичности» является одним из самых дискуссионных в аналитической философии. Наиболее острая дискуссия вокруг статуса аналитических высказываний развернулась в середине XX века между сторонником аналитичности Р.Карнапом и его оппонентом У.Куайном. Впоследствии эта дискуссия несколько отошла на второй план, но интерес философов к ней не угас, о чем свидетельствует количество издаваемых монографий и статей на эту тему. Среди последних англоязычных монографий, непосредственно посвященных аналитичности, можно выделить работы Г.Рассел [1], К.Джула и Э.Лумиса [2]. Этой проблеме уделено внимание в ряде русскоязычных учебников и монографий по аналитической философии и теории познания в целом [3-5]. Отметим монографию Е.Д.Смирновой [6], статьи Е.Г.Драгалиной-Чёрной [7], А.Г.Пушкарского [8]. Отдельные статьи останавливаются на связанных с понятием аналитичности вопросах: о критике априоризма в философии с точки зрения натурализма и релейбелизма [9], критике крипкеанского понятия апостериорной необходимости [10]. Такой интерес к данной проблеме в современной философии вызывает необходимость еще раз обратиться к исходным определениям понятия аналитичности.

Сложность определения понятия «аналитичность» состоит в том, что оно меняло свое содержание на протяжении истории, и эта смена является отражением фундаментальных дискуссий в истории самой аналитической философии. Можно выделить различные подходы: кантовский, который восходит к Локку, Лейбницу и Юму, фрегевский, карнаповский, современные подходы, которые развивались после С.Крипке. Хотя основополагающая работа Крипке «Именование и необходимость» и не была посвящена напрямую понятию аналитичности, автор поста-

вил под сомнение отождествление аналитичности, априорности и необходимости [11]. Несмотря на то что тезисы, которые изложил Крипке в этой работе, на определенное время стали неким каноном в аналитической философии, можно выделить подходы, которые развиваются в русле крипкеанства и за его пределами. Среди них можно отметить подход Г.Рассел, которая рассматривает аналитичность прежде всего с точки зрения формальной семантики, в частности, семантики возможных миров. Существует также мнение К.Джула и Э.Лумиса, укладывающееся в рамки эпистемологического подхода, поскольку в данной концепции указывается на важность сохранения априорности аналитических суждений. Однако авторы ограничивают класс аналитических суждений эксплицитно вводимыми постулатами.

В целом историю развития понятия аналитичности можно было бы поделить на два периода: до Г.Фреге и после Г.Фреге. Также можно говорить о развитии дискуссии в разных плоскостях. В синтаксической плоскости аналитичность определяется как логическая выводимость, в семантической плоскости аналитичность определяется как истинность в силу значения (truth in virtue of meaning), в эпистемологической плоскости аналитическое связывается с априорным, в метафизической – с необходимостью (истинность «во всех возможных мирах»). В данной статье мы попытаемся дать обзорное представление о становлении понятия аналитичности от И.Канта и его предшественников до Г.Фреге и ранней аналитической философии.

Если европейская философия XX века развивалась под влиянием онтологического поворота [12], то одной из тенденций современной англо-американской аналитической философии является тесное сближение с эмпирической наукой.

Следуя У.Куайну, многие аналитические философы отказываются проводить какое-либо принципиальное различие между научным и философским исследованием. Куайн полагал, что не существует другого метода, кроме научного. Этот феномен получил название «натуралистический поворот» в философии, который, как считается, вытеснил предыдущий «лингвистический поворот», связанный с влиянием идей Л.Витгенштейна. Хотя интересно отметить, что именно с трактатом Куайна «О том, что есть» принято связывать возрождение интереса к онтологии и метафизике в аналитической философии. Натуралистический поворот проявился в наибольшей степени в философии сознания. Теперь философствуют биологи, психологи, нейрофизиологи. Для обозначения философских исследований, использующих эмпирические методы, даже возник термин «экспериментальная философия». В то же время, существуют защитники метода концептуального анализа и априорного характера философского знания. Так, влиятельный британский философ К.МакГинн утверждает, что философия «стремится открыть сущности исключительно априорными средствами, а не посредством эксперимента, наблюдения или опыта. Она «оперирует на диване» (operates from the armchair), т.е. посредством (обычно уединенного) созерцания, без посторонней помощи (перевод наш – А.К.)» [13: 4]. Здесь мы хотели бы выйти за рамки философии сознания и философии вообще. Представляется, что существует непустой класс высказываний, истинность которых обосновывается независимо от опыта, и этот класс (в противовес тому, что по этому поводу утверждали Л.Витгенштейн и У.Куайн) не ограничивается логическими тавтологиями вида «а=а». В этот класс входят, как минимум, часть выражений обыденного языка, например, «Все холостяки – мужчины», все логические и математические истины. А при введении дополнительных контекстуальных ограничений – определенные высказывания философии и положения естественных наук. В философии существует традиция называть их аналитическими. Пропозиция называется аналитической, если ее истинность устанавливается исключительно путем анализа выражений, входящих в ее состав. Аналитическим противопоставляются синтетические высказывания, истинность которых доказывается опытным путем.

На эту дихотомию накладывается другое деление высказываний: на априорные (познаваемые вне опыта) и апостериорные (познаваемые в опыте). Необходимо отметить, что данные формулировки были заложены логическими позити-

вистами. В них отражена трансформация понятия «аналитическое» со времен Канта, с одной стороны, и кантовская традиция отождествления аналитического с априорным и их обоих с необходимым, с другой. Отметим, что в ранний период логического позитивизма понятия априорности и аналитичности совпадали, поскольку считалось, что аналитические высказывания принадлежат только к области логики и математики. Но позже Карнап расширил понятие аналитичности до высказываний с дескриптивными терминами, т.е. высказываний естественных наук [14]. По Карнапу, Р-правила (исходные определения эмпирических наук) являются апостериорными, но аналитическими. В связи с этим возникает трудность в разделении априорности и аналитичности без указания на конкретный подход. То, что формулировки «познаваться вне опыта» и «обосновываться независимо от опыта» являются различными, можно проиллюстрировать на примере:

A1 «Марк Твен есть Самюэль Клеменс».

Высказывание A1, очевидно, не является априорным, поскольку с Марком Твеном (точнее его образом) мы знакомимся на опыте. В то же время высказывание A1 является аналитическим, поскольку совокупность дескрипций, которые фиксируют имя собственное «Марк Твен», содержит и дескрипцию «настоящее имя – Самюэль Клеменс». Она является частью его определения и не может быть отчуждена от него (в актуальном мире). Кроме того, A1 проходит проверку с помощью кантовского теста на аналитичность: его отрицание приводит к противоречию. Нельзя без противоречия утверждать

A2 «Неверно, что Марк Твен есть Самюэль Клеменс»,

потому что Марк Твен не мог не быть Самюэлем Клеменсом, так как Марк Твен и Самюэль Клеменс есть *одно и то же*, и отрицать A1 – означает отрицать, что Марк Твен был самим собой, что противоречиво.

Пример A1 иллюстрирует интересный случай, когда конкретное высказывание может быть аналитическим, но не априорным. К априорным аналитическим высказываниям (со времен Фреге) относятся, прежде всего, высказывания математики, например:

A3 « $2 \times 2 = 4$ ».

Особенность высказываний математики составляет то, что для их познания нет необходимости обращаться к опыту: в частности, двойки – это абстрактные величины и в опыте как таковые не встречаются. Эти высказывания основаны на конвенционально вводимых постулатах и дедуктивных выводах из них. Кроме этого, истинность

данных высказываний также не зависит от опыта и познается путем анализа выражений, составляющих левую и правую часть высказывания.

Теперь рассмотрим высказывание:

S1 «Иван (тот, с которым мы вчера ужинали) бежит».

Очевидно, что никакое знакомство с набором дескрипций относительно Ивана не поможет мне установить истинность данного предложения. Даже если предположить, что Ивану свойственно бегать по утрам с 7 до 7.30, а сейчас 7.15, мы не можем быть уверены, что он бежит, поскольку он мог заболеть, быть в командировке, стоять в данный момент на светофоре и т.д. Т.е. истинность высказывания S1 можно установить только эмпирически. Таким образом, оно не является аналитическим.

В истории философии впервые наиболее известным является определение аналитичности у Канта. Истоки этого понятия мы находим у Дж.Локка, Лейбница и Д.Юма. В «Опыте о человеческом разумении» Дж.Локка есть 8 глава с примечательным названием «О положениях с ничтожным содержанием». Локк не дает им какого-нибудь специального названия, но перечисляет несколько их видов: 1) положения тождества («Все, что есть, есть»); 2) когда род высказывается о виде «Свинец есть металл»; 3) когда часть определения высказывается об определенном термине: «всякое золото плавко» [15: 87-96]. Локк поясняет, что эти суждения лишь объясняют значения слов, но не дают реального знания. Г.Лейбниц, как известно, разделил все истины на истины факта и истины разума: первые опираются на чувственное созерцание, а вторые – на интуицию разума и логику [16].

Юм также делит всякое знание на знание отношений между идеями и отношений между фактами: «Все объекты, доступные человеческому разуму или исследованию, по природе своей могут быть разделены на два вида, а именно: на отношения между идеями и факты. К первому виду относятся такие науки, как геометрия, алгебра и арифметика, и вообще всякое суждение, достоверность которого или интуитивна, или демонстративна <...>. Такого рода суждения могут быть открыты путем одной только деятельности мысли независимо от того, что существует где бы то ни было во вселенной. <...> Факты, составляющие второй вид объектов человеческого разума, удостоверяются иным способом, и, как бы велика ни была для нас очевидность их истины, она иного рода, чем предыдущая. Противоположность всякого факта всегда возможна, потому что она никогда не может заключать в себе противоречия, и наш ум всегда представляет ее

так же легко и отчетливо, как если бы она вполне соответствовала действительности. Суждение «солнце завтра не взойдет» столь же ясно и столь же мало заключает в себе противоречие, как и утверждение, что оно взойдет» [17: 21-22]. Интересно, что Юм далее нигде не развивает тему отношений первого вида, которые мы сейчас могли бы назвать основой для аналитических суждений. Если здесь речь идет об априорных высказываниях, то тогда под сомнение ставится эмпирическая программа Юма, ведь он считал все идеи копиями впечатлений. И тогда книги по метафизике можно было бы не «бросать в огонь»: философия могла бы опираться на ту же область, что и математика – размышления, не зависящие от мира фактов.

Кант вводит понятие аналитичности в следующей формулировке: «Во всех суждениях, в которых мыслится отношение субъекта к предикату <...>, это отношение может быть двояким. Или предикат В принадлежит субъекту А как нечто содержащееся (в скрытом виде) в этом понятии А, или же В целиком находится вне понятия А, хотя и связано с ним. В первом случае я называю суждение аналитическим, а во втором – синтетическим. Следовательно, аналитические – это те (утвердительные) суждения, в которых связь предиката с субъектом мыслится через тождество, а те суждения, в которых эта связь мыслится без тождества, должны называться синтетическими. Первые можно было бы назвать поясняющими, а вторые – расширяющими суждениями, так как первые через свой предикат ничего не добавляют к понятию субъекта, а только делят его путем расчленения на подчиненные ему понятия, которые уже мыслились в нем (хотя и смутно), между тем как синтетические суждения присоединяют к понятию субъекта предикат, который вовсе не мыслился в нем и не мог бы быть извлечен из него никаким расчленением» [18: 46-47]. Пример аналитического суждения, по Канту: «Все тела протяженны». Вкратце его теорию можно сформулировать так: высказывание субъектно-предикатной формы является аналитическим, если понятие предиката содержится (в скрытом виде) в понятии субъекта.

Исследователи отмечают, что данное определение содержит неясности. Как отмечает Колядко, уже Больцано отмечал, что выражение «содержаться в скрытом виде в понятии субъекта» не является определением, а метафорическим высказыванием [19]. Возьмем в качестве примера высказывание:

A4 «Все треугольные фигуры являются трехсторонними».

По Канту, А4 должно быть аналитичным. Об этом можно судить по следующему отрывку: «Дайте философу понятие треугольника, и пусть он найдет свойственным ему способом, как относится сумма его углов к величине прямого угла. У него есть только понятие фигуры, ограниченной тремя прямыми линиями, и вместе с ней понятие о таком же количестве углов. Сколько бы он ни размышлял над этим понятием, он не добудет ничего нового. Он может расчленить и сделать отчетливым понятие прямой линии, или угла, или числа три, но не откроет новых свойств, вовсе не заключающихся в этих понятиях» [18: 530]. Но, как справедливо замечает Р.Ханна, понятия «треугольности» и понятие «трехсторонности» имеют разное концептуальное содержание, поэтому нельзя сказать, что понятие трехсторонности имплицитно содержится в понятии треугольности [20: 156]. Если я мыслю понятие треугольности, я мыслю геометрическую фигуру с тремя углами, а не с тремя сторонами. Подчеркнем, что речь не идет о представлении. Представить себе треугольную фигуру, которая бы не была трехсторонней действительно невозможно. Но вполне можно *помыслить* треугольность, не мысля при этом трехсторонности. В этом примере проявляется также проблема с критерием тождества между понятиями, поскольку, как утверждает Кант, в аналитических суждениях связь между субъектом и предикатом мыслится через тождество. Но трехсторонность, очевидно, не тождественна треугольности.

Другое возражение касается того факта, что с точки зрения его теории, он вынужден ограничить класс аналитических высказываний суждениями субъектно-предикатной формы. Однако очевидно, что есть много других типов высказываний, которые являются аналитическими. Это особенно касается логически истинных предложений, содержащих пропозициональные связки, например: «Если Сократ смертен, то Сократ смертен» и другие логические истины, например, закон исключенного третьего и т.д. Таким образом, высказывание «находится скрытно в понятии субъекта» можно считать достаточным условием для аналитического суждения, но не необходимым. Здесь можно было бы применить второй критерий аналитичности, по Канту, а именно, что такие суждения нельзя отрицать без противоречия. Но тогда возникает вопрос, почему их нельзя отрицать без противоречия. У Канта нельзя найти ответ на этот вопрос. Более того, данные суждения, с точки зрения Канта, не считались бы аналитическими, поскольку они не являются поясняющими. Также проблематично, пользуясь кантовским подходом, было бы опре-

делить статус следующих высказываний: «Целое равно самому себе», «Целое больше своей части». Эти высказывания не имеют субъектно-предикатной формы, а являются реляционными.

Но самую большую проблему для кантовского определения аналитичности, на наш взгляд, создает критерий мыслимости, а именно то, что в аналитических суждениях понятие предиката мыслится (хотя и смутно) в понятии субъекта суждения. Как это интерпретировать? Наиболее очевидным является толкование, что в аналитических суждениях мы не можем мыслить понятие субъекта без того, чтобы мыслить все его предикаты. По Канту, «нужно только расчленить это понятие, т. е. осознать всегда мыслимое в нем многообразное, чтобы найти в нем этот предикат» [18: 47]. Но почему высказывание «Все тела протяженны» аналитично, а «Все тела имеют вес» – нет? Кант не может апеллировать к аристотелевскому различению сущностных и акцидентальных свойств, поскольку, как известно, он отрицает познание сущностей. У Канта логика и онтология не совпадают, как у Аристотеля. Значит, он должен апеллировать к определениям. Но что значит: «аналитически истинно, если по определению x есть y »? В качестве определения Кант берет декартовское *res extensa*, по которому единственным предикатом материи является протяженность. Поэтому вес он закономерно не включает в определение. Но что если выйти за рамки декартовской парадигмы и ньютоновской физики вообще? То, что является частью определения понятий тела, пространства, времени у Ньютона, вовсе не является частью определения у Эйнштейна. Тогда получается, что в разных научных парадигмах аналитическими суждениями будут противоречащие высказывания. В связи с критерием мыслимости возникает ряд вопросов, на которые трудно ответить, встав на позицию Канта. Кто должен мыслить понятие, чтобы включать или не включать в него предикаты? Если сам Кант не включает в понятие тела понятие тяжести, то почему это не может сделать Иванов или Сидоров? Должно ли это быть только экспертное сообщество? Обязательно ли, например, включать в определение воды то, что она есть H_2O ? В известном мысленном эксперименте Х.Патнэм предлагает представить Землю-Двойник, на которой есть вода, имеющая в точности все те же свойства, что и у нас, кроме того, что ее формула не H_2O , а XYZ [21]. Будет ли тогда, высказывание «вода есть H_2O » аналитически истинным?

Под сомнение подпадает еще одно свойство аналитических суждений – то, что они, по Канту (как и по Локку), ничего не добавляют к поня-

тию субъекта. Сказать, что высказывание «корова – млекопитающее» не расширяет наше понятие о корове, было бы грехом против истории науки. Такое высказывание никак не могли бы сделать в древности. Потребовались столетия развития зоологии, чтобы классифицировать всех животных на млекопитающих и не млекопитающих, изучить особенности нервной, дыхательной, пищеварительной системы млекопитающих, выявить их отличительные признаки и т.д. Поэтому высказывание «корова – млекопитающее» значительно расширяет наше знание о коровах, по крайней мере, по сравнению с людьми древности. Этот предикат древние не могли получить из понятия «корова» никаким расчленением. Тривиальными и неинтересными в таком случае можно было бы назвать только такие высказывания, которые Кант называл явными аналитическими высказываниями: «Корова есть корова».

Перечисленные проблемы, тем не менее, не стали решающими для последующей трансформации понятия аналитичности. Главным стал тот факт, что в основу деления высказываний на аналитические и синтетические Кант положил различие между двумя типами познания: интуитивным и понятийным. Познание из понятий никогда не сможет быть в кантовском смысле синтетическим, поскольку разложение понятий никогда не дает нового знания – за это ответственна интуиция. Анализ необходим, чтобы сделать наши представления более четкими: «Когда мы видим издали дом, то мы не различаем окна, двери и т.д. И хотя дом действительно состоит из частей, мы их не различаем, поэтому наше представление дома является нечетким. То же и с понятиями. Если мы не различаем, из каких признаков состоят, к примеру, понятия «прекрасное», «добродетель», то мы его создаем неотчетливо» [18: 291]. Чтобы понятия в суждении были связаны синтетически, необходимо созерцание (интуиция): для апостериорных синтетических суждений – эмпирическое созерцание, для априорных – чистое созерцание. Исходя из этого Кант обосновывает тезис, что истины математики синтетичны, потому что в основе арифметики лежит интуиция времени, а в основе геометрии – интуиция пространства. Для раннего этапа развития аналитической философии особенно проблемным стало кантово понятие интеллектуального созерцания [22]. В полемике с Кантом философы-аналитики выдвинули программу логицизма.

Основоположник логицизма в математике и одновременно основоположник аналитической философии Г.Фреге вступил в прямую полемику

с Кантом в философии математики и подверг критике кантовский анализ суждений математики. Фреге, в противоположность Канту, утверждает, что в арифметике рассуждение осуществляется из одних понятий, без привлечения созерцания. Кантовское учение он причисляет к психологизму. Одновременно с Гуссерлем он резко выступил против психологического направления в логике и математике. Программа логицизма, выдвинутая Фреге, предполагала, что математика может быть сведена к логике. Но даже если это не так, то логика может расширять наше знание, например, в области натуральных чисел. Больцано и Фреге подвергают критике положение, что из одних понятий возможно только аналитическое знание в кантовском смысле. Как отмечает Колядко, Больцано критиковал положение о том, что аналитические предложения представляют собой пустые тавтологии. Он утверждает, что ни в одной науке нет предложений, которые были бы только аналитическими. Представление о полном отделении формы от содержания в познании вообще и в логике, в частности, является ошибочным [19: 88]. Следствием этого отделения является то, что Кант ошибочно отождествил суждения, которые: 1) являются истинными только на основании понятий и 2) являются истинными на основании определения, а также 3) суждения, в которых понятие-предикат не содержится в понятии субъекта и 4) суждения, которые расширяют наше познание. Фреге показал, что логика не является, как думал Кант, чисто формальной, лишенной всякого семантического содержания.

Для Канта все аналитические суждения – определения. По Фреге, это вовсе не так. Он четко разводит термины Definition – дефиниция, и Erklärung – разъяснение. По Фреге, дефиниция – это сокращенное обозначение. В логике есть процедура введения новых знаков по определению (выражается с помощью знака $=_{Df}$). В таких определениях действительно нет никакого приращения знания. С точки зрения Фреге, такие аксиомы, как «точка есть то, что не имеет размера» или «линия есть длина без ширины» не являются дефинициями. Они являются прояснениями понятий «точка» и «линия» в евклидовой геометрии [23: 32]. В реальных определениях каждый раз мы по-разному фиксируем референт. Определения меняются, расширяются, обогащаются. Дать новое определение означает по-новому взглянуть на объект. Поэтому, хотя определения и являются аналитическими высказываниями, но их никак нельзя назвать «ничтожными» (в терминологии Локка). Определения могут основываться на опытном исследовании, т.е. иметь апо-

стериорный источник, и на внеопытном, концептуальном исследовании, т.е. иметь априорный характер. В естественных науках никакое исследование нам не поможет чисто аналитически из понятия физического объекта выявить его свойства. Но не таково рассуждение в математике. Поскольку исходные постулаты математики вводятся конвенционально, то они сами и выводы из них являются чисто аналитическими.

В «Основоположениях арифметики» Фреге выступает одновременно против эмпиризма Милля и формализма Канта. Милль считает: «Учение о том, что мы можем открывать факты и разоблачать сокровенные процессы в природе посредством искусного пользования словами, до такой степени противно здравому смыслу, что для того, чтобы поверить ему, надо сделать некоторые успехи в философии» [цит. по: 24: 40]. На это Фреге отвечает: «Верно, если бы при искусных манипуляциях не мыслили. Здесь Милль выступает против формализма, который едва ли кто-нибудь защищает. Те, кто использует слова или математические знаки, претендуют на то, что они нечто обозначают, и никто не ждет, что из пустых знаков вытекает нечто, наполненное смыслом. Однако возможно, что математик осуществляет длиннейшие вычисления без того, чтобы понимать под своими знаками нечто чувственно зримое, созерцаемое. Из-за этого знаки всё же не являются бессмысленными (курсив наш – А.К.); от них самих всё же отличают их содержание, даже если, быть может, оно схватывается только посредством знаков» [Там же]. В §3 Фреге дает свое определение аналитичности: «Эти различия априорного и апостериорного, синтетического и аналитического, по моему мнению, относятся к пониманию не содержания суждений, но оправдания вынесения суждения (курсив наш – А.К.). <...> Теперь это зависит от того, чтобы найти доказательство <...>. Если на этом пути наталкиваются только на общие логические законы и определения, то обладают аналитической истиной, причем предполагается, что при рассмотрении указаны также и предложения, от которых возможно зависит допустимость определения. Но если невозможно провести доказательство без использования истин, не имеющих общей логической природы, но относящихся к особой области науки, то предложение является синтетическим» [20: 11]. Суммируя позицию Фреге можно сказать, что аналитические высказывания – это такие высказывания, истинность которых следует из логических законов и определений. Это определение впоследствии стало основополагающим для логиче-

ских позитивистов и получило название «фреге-аналитичность».

В данной статье мы рассмотрели классическое определение дихотомии аналитического и синтетического у Канта и трансформацию данного понятия. Можно сделать вывод, что эта трансформация была не случайной, а обусловлена особенностями кантовской установки. Она состояла в содержательной (интенциональной) трактовке суждений в противовес объемной (экстенциональной) трактовке у Фреге. В целом рассуждения Фреге по поводу понятия аналитичности были связаны во-многом с полемикой против Канта. В итоге Фреге связал свойство высказывания быть аналитическим или синтетическим со способом его обоснования, что в дальнейшем было принято в качестве исходного определения для аналитической философии. Однако общим для Фреге и Канта является то, что область аналитических высказываний не распространяется за пределы логики, хотя и по-разному ими понимается.

*****

1. *Russell G.* Truth in virtue of meaning: a defense of the analytic-synthetic distinction. – Oxford University Press, New-York. – 2008. – 232 p.
2. *Juhl C., Loomis E.* Analiticity. Routlege. – New-York, 2010. – 318 p.
3. Аналитическая философия. Учебное пособие (под ред. М.В.Лебедева и А.З.Черняка). – М.: Изд-во РУДН, 2006. – 622 с.
4. *Никоненко С.В.* Аналитическая философия – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. – 546 с.
5. *Тайцина Э.А.* Теория познания. Интродукция и рондо капричиозо. – СПб.: Алетейя: Вертолет-Медиа, 2013. – 608 с.
6. *Смирнова Е.Д.* Логика и философия. – М.: РОССПЭН, 1996. – 304 с.
7. *Драгалина-Черная Е.Г.* Семантическое обоснование логики: истоки и перспективы // Логическая семантика: перспективы для эпистемологии и философии языка. – М.: Креативная экономика, 2011. – С. 37 – 54.
8. *Пушкарский А.Г.* Некоторые проблемы аналитических и синтетических суждений в истории логики // Вестник Балтийского федерального университета им.И.Канта. – №12. – 2012. – С. 124 – 131.
9. *Головкин Н.В.* Натурализация, релейбелизм и а priori // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. – Т.9. – №2. – 2011. – С. 18 – 25.
10. *Суровцев В.А.* Необходимое а posteriori, контрфактические фантазии и формы эссенциализма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – №4. – 2011. – С. 57 – 63.

11. *Kripke S.* 'Naming and Necessity'. In Davidson, Donald and Harman, Gilbert, eds., *Semantics of Natural Language*. Dordrecht: Reidel: 253-355, 763-769. 1972.
12. *Порошенко О.Ю.* От метафизики субъективности человека к онтологии одиночества // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – Т.151. – №1. – 2009. – С. 58 – 67.
13. *McGinn C.* *Truth by Analysis: Games, Names, and Philosophy*. – Oxford University Press, 2012. – 189p.
14. *Карпан Р.* Значение и необходимость: Исследование по семантике и модальной логике: Пер. с англ. / Общ. ред. Д.А.Бочвара. Предисл. С.А.Яновской. Изд. 2-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 384 с.
15. *Локк Дж.* Сочинения в трех томах / Пер. с англ.; Ред.-кол.: М.Б.Митин (пред.) и др. – М.: Мысль, 1985. – Т. 2. – 560 с.
16. *Лейбниц Г.В.* Сочинения, в четырёх томах. Том 2. «Новые опыты о человеческом разумении». Серия: Философское наследие. М.: Мысль. 1983. – 686 с.
17. *Юм Д.* Сочинения в 2 т. / Пер. с англ. С.И.Церетели и др.; Примеч. И.С.Нарского. – 2-е изд., дополн. и испр. – М.: Мысль, 1996. – Т. 2. – 799 с.
18. *Кант И.* Сочинения. В 8-и т. – М.: Чоро, 1994. – Т.3. – 741 с.
19. *Колядко В.И.* Бернад Больцано. – М.: Мысль, 1982. – 198 с.
20. *Hanna R.* *Kant and the foundations of analytic philosophy*. – Clarendon Press. –Oxford, 2001. – 329 p.
21. *Putnam H.* The meaning of 'meaning'. // *Minnesota Studies in Philosophy of Science*. 7:131-193, 1975.
22. *Гурьянов А.С.* Роль интеллектуального созерцания как категории и способа философствования: дис. ... канд. филос. наук. – Казань, 2001. – 132 с.
23. *Фреге Г.* Логика и логическая семантика: Сборник трудов. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 512 с.
24. *Фреге Г.* Основоположения арифметики / Пер. В.А.Суровцева. – М.: Водолей, 2000. – 128 с.

ANALYTICITY: FROM KANT TO FREGE

A.R.Karimov

In the article the notion of analyticity is considered. The main approaches to the definition of analyticity are identified. Kant and his predecessors' notions of analyticity are critically analyzed. The transformation of the analytic-synthetic dichotomy from Kant to the early period of analytic philosophy is shown. While for Kant this dichotomy was associated with the content of the proposition, for Frege and in later analytic philosophy it referred to the way a proposition was substantiated.

Key words: analytic philosophy, analyticity, synthetic, a priori, Kant, Frege.

* * * * *

Каримов Артур Равилевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философской антропологии Казанского федерального университета.

E-mail: aquium@yandex.ru

Поступила в редакцию 10.06.2013